

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН**

На правах рукописи

БАРБАРУК Юрий Владимирович

**ПОСТМАРКСИСТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛЬНОМУ
СОЦИАЛЬНОМУ ПОРЯДКУ (НА ПРИМЕРЕ ЭССЕКСКОЙ И
ЛЮБЛЯНСКОЙ ШКОЛ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2011

Работа выполнена в секторе социальной философии Учреждения Российской академии наук Института философии РАН

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор В.Г. Федотова

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор И.К. Пантин

кандидат философских наук, доцент А.Г. Сытин

Ведущая организация:

ГОУ ВПО Московский городской педагогический университет,

кафедра философии

Защита состоится «__» _____ 2011 г. в ____ часов на заседании Диссертационного Совета № Д 002.015.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук при Учреждении Российской академии наук Институте философии РАН по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке

Учреждения Российской академии наук Института философии РАН

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

доктор философских наук

И. А. Крылова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В условиях кризиса либерального финансового капитализма и отсутствия долгосрочных перспектив стабильного социально-экономического развития вопрос об альтернативе капиталистическому обществу в начале XXI века вновь привлекает к себе внимание.

Марксистское наследие в этой ситуации актуализируется, что подтверждается и возросшей с начала финансового кризиса 2008 г. популярностью произведений основоположников научного коммунизма. И хотя социальная философия классического марксизма продолжает иметь колоссальное теоретическое значение для современной мысли, необходимо признать, что реалии позднего капитализма не могут быть в полной мере ею охвачены. Это делает актуальными современные формы восприятия и переосмысления социальной философии марксизма. К ним можно отнести концепции неомарксистов и постмарксистов. Исследование постмарксистской социальной мысли в настоящее время является особо актуальной задачей по причине недостаточной изученности. Социальная философия, социально-политические идеи и видение будущего в постмарксизме не вошли в полной мере в состав современных социально-философских исследований, несмотря на то, что они могут существенно дополнить концептуальный аппарат классического марксизма и неомарксизма.

Особую актуальность исследование социальной философии постмарксизма имеет для России, где расставание с марксизмом приняло радикально-политические формы, сказавшиеся на качестве капиталистической реставрации. Здесь не хватает рефлексии новых постмарксистских концепций для понимания российского капиталистического общества и перспектив его развития.

Степень разработанности проблемы. Исследования, посвященные актуальности социальной философии и методологии марксизма в XXI веке, широко распространены. Из наиболее известных в России ученых, занимающихся этой проблематикой, можно отметить Б.Н. Бессонова, А.В.

Бузгалина, Д.В. Джохадзе, Б.Ю. Кагарлицкого, Т.И. Ойзермана, В.М. Межуева, Ю.К. Плетникова, Е.А. Самарскую и многих других. Однако обращение к марксистским идеям обычно ограничивается классикой марксизма, неомарксизмом, постиндустриальными социалистами (А. Горц, А. Турен и др.), аспектами социалистической практики в странах Азии. Концептуальные разработки социальной философии западных левых последних двух десятилетий рассматриваются очень фрагментарно. До сих пор постмарксизм не рассматривался как явление в современной социальной мысли, требующее отдельного изучения.

При исследовании социальной философии постмарксизма первостепенной проблемой выступает концептуальное разграничение между данным философским направлением и другими течениями, имеющими непосредственное отношение к марксистской традиции. Значительный вклад в изучение исторических и интеллектуальных истоков социальной философии постмарксизма, определение его характерных черт внесли такие отечественные и зарубежные ученые как П.В. Барковский, А.С. Колесников, С. Сим, Дж. Тауншенд и С. Торми. Их исследования носят преимущественно компаративистский характер, они позволяют определить круг философов-постмарксистов (Дж. Агамбен, А. Бадью, П. Вирно, С. Жижек, А. Зупанич, Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Негри, А. Норвал, Ж. Рансьер, А.М. Смит, Я. Ставракакис, М. Хардт, Н. Хомский и др.), выделить социально-политический контекст перехода этих философов на постмарксистские позиции (политические поражения левых, сворачивание системы социальных гарантий во второй половине 1980-х гг.). Понятие постмарксизма, как отмечают компаративисты, появилось стихийно и обычно не используется вышеуказанными представителями марксистской традиции в качестве самоназвания, поэтому применение термина постмарксизм достаточно условно. Все же оно является необходимым для обозначения тех мыслителей, которые после коллапса реального социализма продолжили работу в русле марксистской традиции, но уже с существенно видоизмененными методологическими основаниями. Оно подчеркивает одновременно

преемственность с традицией марксизма и необходимость радикального преодоления теоретических тупиков марксистского наследия, особенно тех, которые возникли в новый исторический период. Постмарксисты начали работу по осмыслению социальной реальности и ее динамики в эпоху третьего модерна¹.

Значительный вклад в исследование постмарксистских идей внесли такие критики постмарксизма, как Ф. Джеймисон, Н.П. Моузелис, Д. Петрас. Прделанная ими работа позволяет лучше понять сущность постмарксизма и его проблемное поле.

В России идеи постмарксистской социальной философии еще не получили широкого распространения, несмотря на свою повсеместно растущую популярность в зарубежных странах. Особый интерес представляют работы эссекской (Э. Лаклау, Ш. Муфф) и люблянской (С. Жижек) школ, т.к. они дали наиболее мощный импульс к распространению и популяризации теории и идеологии постмарксизма, открыто выступили за применение принципиально новых методологических подходов. В наиболее тяжелые для левого движения годы (1980-90-е гг.) они сохранили приверженность марксистским гуманистическим (разработка и теоретическое обоснование освобождения человечества от угнетения и материальной нужды) и научным принципам (акцент на антагонистической природе социума), чем способствовали сохранению преемственности марксистской мысли.

Отечественные ученые, обращающиеся к теоретическому багажу эссекской и люблянской школ, используют их результаты в основном в политических исследованиях. Это обусловлено своеобразием постмарксистской методологии, особенно эссекской школы, которая предполагает примат политического в установлении социальных практик и структур. Несмотря на то, что диалектическое применение этого методологического подхода позволяет продуктивно изучать социальное бытие, реально эта методология в отечественных социальных исследованиях практически не применяется. Среди

¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации: (социально-филос. анализ взаимоотношений экономики и общества). М.: Культурная Революция, 2008. С. 15.

активно использующих постмарксистскую методологию ученых следует отметить И.А. Ерохова (анализ нормативных оснований теории агонистической демократии Э. Лаклау и Ш. Муффа), И.А. Жеребкину (анализ социальных аспектов гендерных отношений), М.Г. Макарычеву (исследование российского направления внешней политики США с опорой на социальную теорию постмарксизма), А.Д. Трахтенберг (анализ массовой коммуникации с помощью методологии эссекской школы постмарксизма), А.В. Смирнова (постмарксистский анализ национализма). Из социальных философов в ближнем зарубежье можно отметить О.Ф. Оришеву (исследование онтологии социального в постмарксизме) и О.В. Плахотник (гендерные исследования с использованием методологии эссекской школы) в Белоруссии и на Украине соответственно. Чаще всего исследователи используют методологический аппарат постмарксизма для изучения отдельных социальных и политических вопросов, не обобщая при этом постмарксистские концепты с позиций социальной философии, их идеологического и практического значения, а для социалистически ориентированной мысли именно эти аспекты имеют особенное значение. Идеи социальной философии С. Жижека в отечественной науке до сих пор не подвергались сколько-либо серьезной формализации и критике.

В данной диссертационной работе автор обобщает социальную философию основоположников постмарксизма (эссекской и люблянской школ), главным содержанием которой является критика неолиберального социального порядка и развитие идей К. Маркса о возможности построения нового общества. В российской социальной философии этот вопрос остается практически не изученным и требует своего осмысления.

Объектом исследования является эволюция социальной философии марксизма от классической теории к постмарксизму.

Предмет исследования – социальная философия постмарксизма эссекской и люблянской школ.

Цель диссертационной работы – рассмотреть социальную философию постмарксизма люблянской и эссекской школ.

Поставленная цель предполагает решение ряда взаимосвязанных **задач**:

- выявить социально-политические и экономические процессы, которые привели к кризису левого и левоцентристского движений и спаду в марксистской философии в 1980-е гг.;

- раскрыть социальные последствия кризиса левого сознания как предпосылки формирования постмарксистских представлений о социальной реальности;

- определить сущностные черты постмарксизма, выделить ключевые положения социальной теории и методологии постмарксизма эссекской и люблянской школ;

- выявить целевые группы, на которые ориентируются в социальной практике постмарксисты;

- проанализировать социально-политические программы эссекской и люблянской школ постмарксизма и дать им оценку.

Теоретико-методологической основой диссертации выступают труды представителей постмарксизма эссекской и люблянской школ, а также отечественные и зарубежные исследования, посвященные анализу этого направления в современной социальной философии. В качестве основного метода в диссертации применяется социально-философский и компаративистский анализ текстов постмарксистов эссекской и люблянской школ. Важная роль отводится системному подходу, который позволяет описать объект как единое целое с точки зрения его структуры, элементов, функций и целей. При анализе постмарксистской социальной теории были использованы гипотетико-дедуктивный метод исследования и методы анализа лингвистических практик (Э. Лаклау, Ш. Муфф), которые позволяют оценить адекватность исходных методологических положений. Для изучения социокультурного и культурно-исторического содержания постмарксистской социальной философии применялись логико-диалектический анализ, а также общефилософские принципы историзма и конкретности. Диссертация основывается на результатах научных исследований в области социальной

философии, политической философии, философии истории, политэкономии, методологии науки, лингвистики и теоретического психоанализа.

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертации

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке социально-философских и методологических проблем западного постмарксизма, направленного на осмысление существующего социально-политического порядка, оценку его перспектив, критику и выработку альтернативной социально-критической программы. Проведенный в диссертации анализ постмарксистских концепций эссекской и люблянской школ вносит вклад в разработку понятий и категорий социально-гуманитарной науки, методологически обогащает марксистскую трактовку социальной реальности, а также может служить основой для дальнейших научных изысканий в этой области знаний. Выводы данного исследования могут помочь отечественным левым приобщиться к опыту критических стратегий западных постмарксистов.

Практическая значимость определяется тем, что методологический инструментарий постмарксистской философии может быть использован для критики существующих и создания новых идеологических конструкций. Результаты и выводы диссертации могут быть использованы в учебных курсах по социальной философии, политической философии и при разработке отдельных спецкурсов.

Новизна диссертационного исследования состоит во всестороннем рассмотрении социальной философии и критических стратегий эссекской и люблянской школ постмарксизма, также она определяется целью и задачами исследования и заключается в следующем:

- определены социально-исторические и теоретические предпосылки постмарксизма;
- впервые рассмотрен спектр постмарксистских воззрений на один из основных вопросов левой мысли – о субъекте социальных изменений;
- дана характеристика социальной философии эссекской и люблянской школ постмарксизма, проанализированы методологические основания социальной философии этих школ;

- проанализированы теоретические и практические ограничения социальной философии постмарксистов эссекской школы, обозначены области ее эффективного применения;

- впервые произведена формализация социально-философских идей люблянской школы постмарксизма.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Социально-политические и экономические факторы играют определяющую роль на всех этапах эволюции социальной философии марксизма. Это относится и к социальной философии постмарксизма. Глобализация, изменения в структуре производственных отношений вследствие научно-технической революции, снижение доли промышленного пролетариата в составе населения развитых капиталистических стран и понижение его политического значения, кризис и распад советской системы в 1980-90-е гг. имели первостепенное значение для появления постмарксистской философии.

2. Социальная философия эссекской и люблянской школ постмарксизма является одним из вариантов философского конструктивизма, а значит, несет в себе все его преимущества и недостатки. Конструктивизм в философии предполагает, что конструкции сознания опосредствуют опыт субъекта, а любое знание имеет символическую природу. Философский переход постмарксистов от реализма к конструктивизму (антиэссенциализму) стал вынужденной мерой в результате утраты доверия к реальному социализму и некоторым представлениям классической марксистской теории (объективная направленность истории, неизбежность социалистической революции, диктатура пролетариата и др.).

3. Основным достижением социальной философии эссекской школы постмарксизма является ее теория гегемонии, развивающая идеи А. Грамши. Эта теория позволяет объяснить принципы воспроизводства социальных структур и экономических отношений посредством производства значения, т.е. при помощи идеологических инструментов. Такой подход связан с допущением возрастающей значимости нематериальных факторов в жизни современного социума. Данная концепция дополняет классические марксистские

представления о соотношении материального базиса с культурно-идеологической сферой надстройки. Негативной же стороной этого методологического подхода является невозможность самостоятельных исследований экономических структур и динамики капитализма вне политического измерения. Социальная философия эссекской школы постмарксизма релевантна преимущественно для стран с развитыми или интенсивно развивающимися институтами гражданского общества. В остальных случаях ее эффективность снижается.

4. Социальная философия С. Жижека опирается на принцип, согласно которому о нормальном функционировании системы следует судить по ее отклонениям от нормы, диалектически взаимосвязанным с воспроизводством системы. Этот метод применяется С. Жижеком при анализе позднего капитализма, либеральной идеологии и массовой культуры. Указанный методологический принцип приводит С. Жижека к ряду актуальных положений: о том, что любая из большинства глобальных проблем, будучи следствием капиталистического развития, в конечном счете, способствует воспроизводству капиталистической системы; что глобальная капиталистическая система в стадии когнитивного капитализма (экономика, основанная на знании) будет создавать под себя более сильное и авторитарное государство, без которого получение ренты с интеллектуальных продуктов невозможно; что противоречие между капитализмом и возможностями социального прогресса достигают в настоящее время своего пика, а социальный прогресс возможен с возрождением коллективных ценностей и изобретением альтернативной утопии в противовес утопии либерального капитализма.

5. Отправной точкой социальной философии постмарксизма является постановка вопроса о субъекте социальных изменений, что связано с упадком рабочего движения в развитых капиталистических странах, с успешной интеграцией рабочего класса в структуру капиталистического мира. Критическую стратегию любой из постмарксистских школ следует рассматривать исходя из представлений о ее ориентации на ту или иную социальную группу, как потенциального субъекта социальных изменений.

Спектр постмарксистских воззрений на эту тему можно обобщить в четырех позициях:

- интерес к новым социальным движениям (антивоенным, феминистским, экологическим, безземельных крестьян, этнических и сексуальных меньшинств и др.);

- внимание к постфордистскому пролетариату, в том числе наемным работникам нефизического труда (эта трудовая деятельность имеет более отчужденный характер и менее социально защищена в силу широкого распространения гибких форм занятости);

- проявление интереса к безработным из-за повсеместного увеличения их количества вследствие масштабного внедрения технических инноваций в производственный процесс, последствий циклических колебаний глобальной экономики и других причин;

- обращение к проблеме исключения отдельных людей и целых человеческих сообществ из социального, политического и правового поля в развитых и развивающихся странах.

Апробация результатов диссертационного исследования

Результаты исследования на различных этапах представлялись в научных докладах и сообщениях на конференциях, семинарах, заседаниях круглых столов международного, всероссийского и регионального уровней. Среди них научно-практическая конференция «Выборы в Магаданской области: опыт и перспективы» (г. Магадан, 2007 г.) с докладом «Демократия: в поисках чистых форм»; международная конференция «Ломоносов – 2008» (г. Москва, 2008 г.) с тезисами «Радикальная демократия: в поисках альтернативных возможностей»; Задоринские чтения при Магаданском филиале Санкт-Петербургской академии экономики и предпринимательства с докладом на тему «Социальная ответственность бизнеса в условиях неолиберализма» (г. Магадан, 2008 г.); научная конференция аспирантов, соискателей и молодых исследователей СВГУ «Идеи, гипотезы, поиск...» с тезисами «К вопросу о демократическом этосе» (г. Магадан, 2008 г.) и «Промежуточные замечания о Homo sacer» (г. Магадан, 2009 г.); круглый стол, посвященный пятидесятилетию Магаданской областной

Думы, с докладом «Легитимность и нормативность: несколько замечаний о природе парламентаризма» (г. Магадан, 2009 г.); вторые научные чтения СВГУ с тезисами «Развитие идей марксизма в перспективе современного постмарксизма» (г. Магадан, 2009 г.); третьи научные чтения СВГУ с докладом «Агонистическая демократия: социалистическая альтернатива неолиберализму» (г. Магадан, 2010 г.); международная конференция «Ломоносов – 2011» (г. Москва, 2011 г.) с тезисами «Эмпирические предпосылки постмарксизма в современной социальной мысли». Определенные результаты работы были опубликованы автором в ряде научных статей, список которых приведен в конце реферата.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых включает по три параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, выясняется степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, аргументируется научная новизна, излагаются основные положения, выносимые на защиту, освещаются теоретическая и практическая значимость проведенного исследования.

Первая глава «Постмарксизм в современной социальной мысли» посвящена анализу эволюции социальной философии марксизма от основания традиции до настоящего момента. Рассмотрены социально-политические условия появления постмарксистской линии в рамках марксистской парадигмы. Проанализирована сущность постмарксизма, методологические особенности изучения аспектов социального бытия в условиях позднего капитализма представителями эссенской и люблянской школ постмарксизма.

В *первом параграфе* первой главы «*От марксизма к неомарксизму: социальная теория и критические стратегии*» автор выявил факторы, которые делают необходимым постоянное развитие социальной теории марксизма и обуславливают многообразие принимаемых им исторических форм. Была подвергнута анализу эволюция социальной теории и критических стратегий

западного марксизма от классической теории ко II Интернационалу и неомарксизму.

Автор полагает, что марксизм во всех своих многочисленных проявлениях более всех других философских систем зависит от конкретной исторической ситуации и культурного контекста. Одна из основных причин многообразия форм марксизма – тесное переплетение с практикой. Социальная философия марксизма в своем развитии следует за трансформациями капиталистических отношений. Мировая капиталистическая система очень динамична, ее подсистемы и отношения между ними усложняются, ускоряется историческое время, поэтому для марксистов обновление социальной теории и интерпретация нового материала всегда являются насущной задачей.

В диссертации показано, что уже К. Маркс и Ф. Энгельс зафиксировали необходимость постоянного самообновления теоретических конструкций в социально-философской сфере. В полной мере это можно увидеть, рассмотрев развитие взглядов К. Маркса о значении социалистической революции между 40 – 70 гг. XIX века. Если в 1848 г. акцент делается на невозможности перехода к обществу нового типа при помощи пролетарских организаций в рамках институтов буржуазного государства, то спустя четверть века подобный сценарий не кажется К. Марксу столь невероятным. Уже в 1872 г. Маркс, учитывая политические успехи рабочего класса, говорит о том, что путь к социальной революции не обязательно лежит через политическую революцию.

К концу XIX века, когда капиталистический мир начинает переход к монополистическому капитализму, в рядах марксистов появляются сомнения относительно некоторых базовых положений, утверждаемых К. Марксом. Тенденция к неизбежному обнищанию пролетариата в развитых индустриальных странах себя объективно не обнаруживала, необходимость острой классовой борьбы и диктатуры пролетариата ставились под сомнение. Лидер ревизионистов, Э. Бернштейн, первым зафиксировал теоретический разрыв между установкой на революцию и практикой социал-демократических реформ и объявил несостоятельным понятие о «конечной цели» социалистической политики. Раскол среди марксистов способствовал

свободному теоретическому поиску. Появляются первые исследования природы монополистического капитализма, империализма и колониализма. Первая мировая война положила конец как II Интернационалу, так и дискуссиям о социально-политических и критических стратегиях левых сил. В последующем, пути западных и восточных марксистов расходятся, существенно меняется проблемное поле социальной философии марксизма.

Дальнейшее развитие социальной философии марксизма в капиталистических странах шло в рамках неомарксизма (1920-80-е гг.). Социальная философия неомарксизма кардинально отличается от социальной философии предшествующей марксистской мысли. Неомарксисты много внимания уделяли критике социализма в Советском Союзе, буржуазного индустриального общества Запада, исследованиям идеологии, массового сознания и массовой культуры. Не случайно один из синонимов неомарксизма – «критическая философия». Это понятие в полной мере выражает ключевую особенность неомарксизма: теория хотя и рассматривается как разновидность практики, но только этой разновидностью и ограничивается. Характерной чертой западных марксистов стало постепенное разочарование в рабочем классе и отказ от исследования политических и экономических структур со смещением в сторону философии.

Диссертант показывает, что с 1920-х гг. в странах Запада происходит активное размежевание между марксистами-политиками (коммунистами и социал-демократами) и марксистами-теоретиками. Социал-демократы ориентировались на ревизионизм Э. Бернштейна, не проявляя интереса к теории. Коммунисты придерживались линии Москвы, а, следовательно, дебаты в их организациях не поощрялись: марксизм политиков становится догматической идеологией, обслуживающей политические интересы коммунистических партий. Политики отказались от реальной теоретической работы, философы от практики.

Несмотря на отказ неомарксистов от реальной практики, именно в неомарксизме впервые по-настоящему была выявлена теоретическая ограниченность некоторых социально-философских положений классического

марксизма и марксизма-ленинизма.

В диссертации показано, что в 1960-70-е гг. ориентированные на реальный социализм марксисты пережили раскол под впечатлением от вооруженного подавления оппозиции Советским Союзом в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.). Часть из них увлеклась маоизмом, а к моменту разочарования в нем волна революционных настроений пошла на спад. Коммунистические партии в Западной Европе стали терпеть поражения из-за отсутствия позитивной программы и падения популярности у широких масс населения.

Последующие революционные изменения в науке и технике (НТР 1970-80-х гг.) и их социальные последствия (особенно упадок рабочего движения) создают затруднения не только для марксистской политики, но и для марксистской теории. Особенно отчетливый спад в марксизме наблюдался в 1980-е гг. К объектам научного анализа в это время добавляются глобализация, экспансия финансового капитала, ТНК. Формируется постнеклассический тип научной рациональности. Таким образом, к середине 1980-х гг. в марксизме намечается точка разрыва вследствие того, что заниматься лишь внешним обновлением социальной теории далее было невозможно. Общее разочарование, дезориентация и отчуждение в политической практике марксистов-философов создали объективные предпосылки для выстраивания новых теоретических конструкций и новых социально-критических стратегий, получивших впоследствии наименование постмарксистских.

Во *втором параграфе* первой главы «*Становление и сущностные черты постмарксизма*» автор дает анализ понятию постмарксизма, излагает факторы социальной реальности, способствовавшие его появлению, положения социальной философии, отличающие постмарксизм от классического марксизма и неомарксизма. Автором представлена существующая на сегодняшний день критика постмарксистских социально-философских систем.

Диссертант отмечает, что термин постмарксизм изначально не использовался в качестве самоназвания. Все те философы, которых сегодня относят к постмарксистам, не стремились выйти за теоретические пределы

марксизма, но пытались дополнить его, осовременить. Поэтому термин постмарксизм можно применять достаточно условно к широкому спектру западных академических левых, сформировавших свои философские взгляды после революционных событий 1968 г. в странах Запада. Они развивают марксистскую теорию, осознавая при этом невозможность в полной мере оперировать аппаратом классического марксизма в современных условиях и ориентироваться на прежние цели коммунистического движения. В научной литературе к постмарксистам обычно относят Дж. Агамбена, А. Бадью, Дж. Батлер, П. Вирно, С. Жижека, К. Кастириадиса, Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Негри, Ю. Хабермаса, М. Хардта, А. Хеллер и др.

По мнению диссертанта, относительно недолгая история постмарксизма обуславливает противоречивые оценки аналитиками значения и места этого направления в современной социальной философии. С. Сим считает, что постмарксизм является логическим продолжением неомарксизма, в силу своего неортодоксального толкования марксизма. Д. Тауншенд и С. Торми, в свою очередь, полагают, что нельзя ставить постмарксистов в один ряд с такими неомарксистами как Д. Лукач и А. Грамши по причине глубокого исторического разрыва между ними. Ф. Джеймисон говорит о принципиальной преждевременности самого постмарксизма. Анализ совокупного критического материала, посвященного постмарксизму, позволяет сказать, что данное философское течение родилось из опыта европейских революционных событий 1968 года (студенческие выступления в Париже, пражская весна и ввод войск ОВД в Чехословакию). События этого года привели к массовому разочарованию молодежи в социал-демократии, коммунистическом движении, реальном социализме. Многие академические левые, ставшие свидетелями этих событий, стали отказываться от не оправдавших себя ортодоксальных элементов доктрины: от идей пролетарской революции и революционного авангарда, ведущего за собой трудящиеся массы.

Обобщение аналитического материала, посвященного постмарксизму, позволило автору выделить ряд существенных черт данного философского направления:

1. Постмарксисты стараются отойти от экономического редукционизма как наиболее слабой стороны марксистского учения. Постмарксисты, которые используют элементы постструктуралистской методологии в своих исследованиях, отказываются от анализа институциональных структур в пользу изучения дискурсов, формирующих субъективность, групповую идентичность, поддерживающих социальный порядок.

2. Постмарксисты используют элементы социальной философии классического марксизма только в том случае, если они имеют эвристическую ценность (для эссекской и люблянской школ это идея об определяющей роли социальных антагонизмов в понимании природы общества и его динамики). Обоснование собственных философских позиций используется без опоры на аутентичные тексты марксистского наследия. Исследования марксистской истории и философских оснований марксизма в постмарксизме не проводятся.

3. Ключ к пониманию постмарксизма следует искать в трансформациях современного капитализма. Реструктуризация промышленных объектов в результате системного экономического кризиса 1970-х – начала 1980-х гг., их закрытие или перенос в страны третьего мира позволили неолиберальному истеблишменту подорвать и частично дискредитировать профсоюзное движение первоначально в Великобритании и США, а затем и во многих других развитых и развивающихся странах. Переход ведущих государств мира к неолиберальной экономической политике существенно сузил возможности ортодоксальных марксистов, ориентированных на организованный промышленный пролетариат. Новые социальные движения (экологические, антивоенные, нефеминистские движения, движения в защиту гражданских прав и др.) стали главной протестной силой в обществе. Постмарксисты рассматривают их как свою основную социальную базу.

4. Главное отличие от предшествующей марксистской социальной философии состоит в отказе от идеи центрального антагонизма (пролетариат/буржуазия). Постмарксизм не приемлет эту идею как сущностную (универсалистскую): любой из социальных антагонизмов, рассматривающийся классическим марксизмом как вторичный, может полноправно рассматриваться

в качестве основного. Идея всемирной революции, как способа преодоления центрального антагонизма, следовательно, тоже ставится под сомнение. Общество вне социальных антагонизмов в постмарксизме объявляется невозможным.

В *третьем параграфе* первой главы «*Методологические основания социальной философии постмарксизма*» автор анализирует ключевые положения методологии эссекской и люблянской школ и их следствия.

В диссертации показано, что базовой установкой постмарксизма эссекской и люблянской школ является представление о том, что мы получаем доступ к реальности исключительно посредством языка. В языке мы репрезентируем реальность, но реальными для нас являются только значения и представления о реальности. Отношение между языком и объективной реальностью абсолютно условно. В процессе общения мы отражаем действительность, но отнюдь не нейтрально. Наш способ общения играет активную роль в создании и поддержании идентичностей, социальных взаимоотношений, в конструировании социального порядка. Наши знания о мире – продукт дискурса, они исторически и культурно обусловлены и возникают в ходе социального взаимодействия. Дискурс – это то, что конституирует реальность в том виде, как мы ее воспринимаем, он является формой социального поведения. Любая социальная практика с точки зрения Э. Лаклау и Ш. Муфф является дискурсивной.

Субъект создается в дискурсах, язык выражается через субъекта, а сам он становится посредником для культуры и языка. Субъект децентрирован, т.е. у него нет какой-то предзаданной природы или сущности, он приобретает ее в процессах социального взаимодействия. Такой подход к субъективности отсекает тему отчуждения в дискурсаналитических концепциях так, как она формулируется у раннего К. Маркса или неомарксистов: если не существует некой родовой сущности, то она не может быть отчуждена. Ключевой проблемой для постмарксизма становится тема структуры субъекта, в каких он отношениях с социальной структурой в качестве агента. Основы субъективности закладываются с детства, когда субъект становится способным

осознавать себя и теряет целостность с окружающей его реальностью. Он начинает идентифицироваться с чем-то внешним по отношению к самому себе посредством образов, представленных в дискурсе. Эти образы интернализируются, но субъект постоянно сравнивает их с чувством целостности и до конца не может усвоить определенные образы как свои. Впоследствии субъект находится в постоянном бесплодном конфликте с символическим миром за свою целостность.

Благодаря внутреннему конфликту, человек – не просто переносчик дискурсов, но актер, включающийся в дискурсивный процесс в поисках собственной целостности. Автор показывает, что расщепленность субъекта дает дискурс-анализу постмарксистов источник социальной динамики и теорию социального.

Одним из следствий открытости дискурсивного пространства является то обстоятельство, что социальное поле всегда структурировано только частично. Мы непрерывно создаем общество в дискурсивных практиках и действуем так, как будто оно существует как некое объективное множество. Мы пытаемся его ограничить при помощи «пустых означающих», таких как «нация», «страна», «класс», но оно обладает лишь воображаемой сущностью². Пустое означающее – термин, пришедший из семиотики, определяется как означающее со смутным, неспецифицируемым или несуществующим означаемым. Э. Лаклау употребляет для таких знаков, относящихся к некоторому множеству понятие миф. Цель мифа – сшить посредством установления дискурсивной закрытости социальное поле, но сделать это полностью невозможно, т.к. в дискурсивном поле всегда будут функционировать другие интерпретации, пытающиеся установить дискурсивную гегемонию.

Как отмечает диссертант, следствием детерминирующей роли дискурса в опосредствовании реальности является взгляд, согласно которому определяющей является вовсе не экономика, как в классическом марксизме, а политика. При этом политику нельзя понимать как нечто связанное исключительно с политическими институтами и с борьбой за государственную

² Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод, 2008. С. 78.

власть, ее распределение. Э. Лаклау и Ш. Муфф рассматривают политическое как способ конституирования социального. В политическом пространстве в результате борьбы различных дискурсов устанавливается гегемония или комбинация одного или нескольких дискурсов, обеспечивающая временную стабильность социального поля. Впоследствии определенные дискурсы могут уступать свои позиции, пересматриваться, тогда социальное поле приходит в неустойчивое состояние и через установление новой дискурсивной гегемонии снова обретает равновесие.

Во **второй главе** диссертации **«Социальная философия эссекской школы постмарксизма»** рассматриваются основные предпосылки и эмпирические основания социальной философии эссекской школы постмарксизма, а также ее содержание: концепция агонистического плюрализма и развитие социально-философских идей А. Грамши в постмарксизме.

В *первом параграфе* второй главы *«Проблема субъекта социальных изменений в марксизме и постмарксизме»* диссертант обращает внимание на наиболее важную проблему современного социалистического движения и, соответственно, марксистской мысли – проблему субъекта социальных изменений. Во многом именно она сегодня задает вектор всем размышлениям о будущем социалистической идеи. Постмарксизм эссекской школы также имеет своим началом постановку вопроса о субъекте социальных изменений.

Это связано с тем, что промышленный пролетариат, будучи опорой марксистской политики, в развитых странах мира утратил свое прежнее значение в социальной структуре общества и был успешно интегрирован в капиталистическую структуру. Критическую стратегию любой из постмарксистских школ, как показывает диссертант, следует рассматривать исходя из представлений о ее ориентации на ту или иную социальную группу, как обладающую потенциалом в осуществлении социального прогресса. Спектр постмарксистских воззрений на тему субъекта социальных изменений можно обобщить в четырех позициях:

- во-первых, это новые социальные движения (антивоенные, феминистские, экологические, безземельных крестьян, этнических и сексуальных меньшинств и др.);

- во-вторых, пролетариат эпохи когнитивного капитализма (представители постфордистского труда), в т.ч. наемные работники нефизического труда (эта трудовая деятельность имеет более отчужденный характер и менее социально защищена в силу широкого распространения гибких форм занятости);

- в-третьих, безработные, доля которых в социальной структуре имеет неуклонную тенденцию к росту вследствие масштабного внедрения технических инноваций в производственный процесс под давлением международной конкуренции, последствий циклических колебаний глобальной экономики и других причин;

- в-четвертых, отдельные люди и целые человеческие сообщества, подвергаемые социальному, экономическому и политико-правовому исключению, а также те, кто является объектом биополитики.

Во *втором параграфе* второй главы *«Концепция агонистического плюрализма в социальной философии эссекской школы постмарксизма»* автором рассматривается наиболее важный теоретический конструкт эссекской школы постмарксизма – концепция агонистической демократии. По мнению Э. Лаклау и Ш. Муфф, радикальная демократическая политика должна являться стержнем социалистической стратегии в условиях позднего капитализма. В этом параграфе рассмотрены причины, по которым Э. Лаклау и Ш. Муфф в своей социально-критической программе обратились к проблеме демократии, как инструменту реализации более справедливого социального порядка. Проанализировано обоснование их демократического проекта и то, как этот проект связан с проблемой субъекта социальных изменений в современных условиях.

Социальная философия эссекской школы постмарксизма ориентирована преимущественно на новые социальные движения (НСД) и те группы, которые поставлены в неравноправное положение. Рабочий класс не является в этом

списке исключением. В силу того, что постмарксисты эссекской школы не приемлют идею о наличии только одного основного социального антагонизма (буржуазия/пролетариат), как это было в классическом марксизме – любой антагонизм рассматривается ими равноправным по отношению к другим антагонизмам. Это означает, что отдать однозначный приоритет какой-либо из социальных групп в настоящей ситуации нельзя. По причине того, что НСД крайне разнообразны по своему составу, по избираемым целям и средствам их достижения, постановка конкретных мер к осуществлению социального прогресса представителями эссекской школы постмарксизма попросту не предлагается. Вместо этого особую важность приобретают процедурные моменты, которые были названы Э. Лаклау и Ш. Муфф агонистической демократией. Под ней понимается такой тип внеинституциональных практик, который позволял бы интегрировать исключенные социальные группы в поле символических отношений, чтобы дать им возможность артикулировать свои интересы, а значит, и формировать свою коллективную идентичность. Агонистической она называется потому, что предполагает создание единства в контексте несходства. Для левых такая нормативная программа означала бы возможность консолидировать вышеуказанные группы в исторический блок, пользуясь терминологией А. Грамши, в целях реализации более справедливого социального порядка. Как отмечает диссертант, основной недостаток социально-критической платформы эссекской школы постмарксизма заключается в том, что акцент на демократическом участии абсолютизируется. При этом игнорируются вопросы производственных отношений, перераспределения ресурсов и социальной политики, т.к. предполагается, что истинно демократический процесс, включающий все заинтересованные стороны, будет способствовать легитимации принятых демократическим путем решений и реализации социального прогресса.

В *третьем параграфе* второй главы «*Развитие концепции гегемонии А. Грамши в работах Э. Лаклау и Ш. Муфф*» диссертант отмечает, что Э. Лаклау и Ш. Муфф довели ряд положений социальной философии А. Грамши до их логического завершения. Это касается в первую очередь его концепции

гегемонии. А. Грамши подразумевает под гегемонией социальное согласие или идеологический инструмент господства, при помощи которого один из классов выдает собственный интерес в качестве всеобщего. Таким образом, понятие гегемонии относится к области производства значений.

В отличие от А. Грамши, Э. Лаклау и Ш. Муфф рассматривают социальные группы и классы не как объективные сущности, а как продукты дискурса. По их мнению, в процессе создания любой идентичности основополагающую роль играют два принципа: логика различия и логика эквивалентности. Логика эквивалентности выстраивает различные элементы дискурса в цепь эквивалентных идентичностей, которые рассматриваются при этом как обладающие сходством (напр. англичанин, француз, итальянец – европейцы). Логика различия сопоставляет моменты дискурса на основании их различия (англичанин – не француз и не итальянец).

Как показывает диссертант, представители эссекской школы рассчитывают на то, что субъектом социальных изменений могут стать новые социальные движения, которые, однако, крайне разношерстны и не представляют единого целого. Э. Лаклау и Ш. Муфф считают, что все эти группы можно сплотить в исторический блок для противодействия неолиберализации социальной сферы и осуществления социального прогресса. Для этого необходимо с одной стороны установить логику эквивалентности между частичными требованиями изолированных друг от друга протестных групп. С другой стороны логика различия должна показать силы внешние по отношению к проекту всеобщей эмансипации. Целью такого проекта гегемонии, который предлагают Э. Лаклау и Ш. Муфф должен стать более справедливый социальный порядок, который вместо социального исключения предлагал бы интеграцию.

На практике установление логики эквивалентности по замыслу постмарксистов должно выглядеть следующим образом: необходимо произвести дискурсивное «пристегивание» ценностей локальных групп протеста к общему идеологическому полю. Точкой пристежки надлежит быть идее агонистической демократии, потому как только такая форма участия, по

мнению Э. Лаклау и Ш. Муфф, может дать протестным группам шанс переустройства всех сфер общественной жизни на принципах свободы и равенства. Партикулярные установки отдельных групп должны получить новое консенсусное звучание, если эти группы хотят вписаться в общий проект социального переустройства. Со стороны участвующих групп требуется признание того, что их борьба является лишь частью общей борьбы за социальный прогресс, но без их посильного участия проект невозможен: он не сможет состояться, если не будут реализованы требования борцов за мир, если не будет осуществлено право на самореализацию по гендерному принципу (требование феминисток), если национальные меньшинства не смогут отстоять право на собственную самобытность, если не будут гармонизированы отношения с окружающей средой (требование «зеленых») и т.д.

Третья глава «Социальная философия люблянской школы постмарксизма» посвящена критическому анализу природы глобального капитализма и социально-политических последствий его развития С. Жижекком, а также предлагаемой им практической схеме выхода из сложившейся ситуации, которую он характеризует как тупиковую.

В *первом параграфе* третьей главы *«Значение психоанализа в социальных исследованиях позднего капитализма»* диссертант рассматривает то, каким образом современная идеология способствует воспроизводству структур позднего капитализма, и какие последствия это имеет для общества и индивида. Также здесь рассмотрена процедура критики идеологии позднего капитализма С. Жижекком.

Диссертант отмечает, что социальная философия С. Жижека опирается на обнаруженное им сходство между механизмом получения индивидуального наслаждения и функционированием капитализма. Проведение такой аналогии оказывается возможным в связи с тем наблюдением, что характер индивидуальных неврозов напрямую зависит от характера производственных отношений в обществе, определяющих преимущественный тип социального поведения, жизненные ценности, идеалы. Так же как индивидуальное наслаждение проясняется в психоанализе через диалектику

пристойного/непристойного содержания желания, сущностное наполнение капитализма можно раскрывать через его собственные эксцессы в каждый определенный период исторического развития. Благодаря применению этого принципа С. Жижек получает возможность судить о нормальном функционировании системы по ее отклонениям, диалектически взаимосвязанным с воспроизводством системы. Этот метод применяется С. Жижеком при анализе позднего капитализма, либеральной идеологии, массовой культуры и др. По своему содержанию такой тип критики позднего капитализма продолжает традицию классической марксистской политэкономии и психоаналитической социологии фрейдомарксизма и франкфуртской школы неомарксизма (Г. Маркузе, В. Райх, Э. Фромм).

Во *втором параграфе* третьей главы «*Критика позднего капитализма в работах С. Жижека*» диссертант рассматривает варианты приложения метода С. Жижека к исследованию структур позднего капитализма и выводы из них.

Как отмечает автор, указанный методологический принцип приводит к ряду актуальных положений. Первое из них состоит в том, что любая из большинства глобальных проблем, будучи следствием капиталистического развития, в конечном счете, способствует воспроизводству капиталистической системы. С. Жижек показывает, что не следует ждать радикального преобразования капитализма вследствие международного финансового кризиса, т.к. циклические колебания являются частью логики глобального капитала и позволяют провести ретерриторизацию и консолидацию капитала. То же касается экологического кризиса, который создает новые рыночные ниши для капитала. Все основные протестные силы и движения, существующие на данный момент, были успешно абсорбированы капиталистической системой. В настоящий момент человечество стоит на пороге очередной капиталистической революции, которую С. Жижек называет когнитивной, подразумевая качественное увеличение роли знаний и информации в современной экономике. Второе положение заключается в том, что при когнитивном капитализме значение интеллектуальной и промышленной ренты существенно возрастает. Растущая роль ренты по сравнению с традиционной

прибылью, основанной на эксплуатации, приводит к тому, что рыночная экономика должна все более поддерживаться сильными государственными мерами, а право на интеллектуальную собственность все интенсивнее будет обеспечиваться при помощи аппарата легального насилия. Естественно, все решения по вопросам о судьбе коллективного знания будут носить недемократический характер, в противном случае этот рынок был бы полностью потерян для капитала.

В *третьем параграфе* третьей главы «*Необходимость новой утопии*» анализируется тезис С. Жижека о необходимости заново изобрести утопию.

В концепции С. Жижека, как отмечает автор, констатируется противоречие между современным капитализмом и возможностями социального прогресса. Большинство западных левых отказалось от каких-либо идей по прогрессивному переустройству мира. Результатом такой позиции стало лишенное гибкости абстрактное морализирование. В тех странах, где разворачиваются массовые протесты против урезания госрасходов, левые просто пытаются сопротивляться демонтажу государства всеобщего благоденствия, что каждый раз показывает отсутствие продуктивной социально-политической программы. Так как эти попытки безуспешны, дальнейшая приватизация социальной сферы неизбежна: каждый новый виток экономического кризиса будет чреват усилением эксплуатации (через пересмотр трудового законодательства, распространение аутсорсинга, понижение зарплат на фоне растущей безработицы и т.п.), ухудшением качества медицинских и образовательных услуг. Издержки глобальной капиталистической системы и далее будут покрываться за счет рабочих, студентов и пенсионеров. Как подчеркивает автор, в этих условиях С. Жижек предпочитает полагаться на чистый волюнтаризм, подразумевая под этим то, что нельзя более полагаться на историю, которая сама расставит все по своим местам. Необходимо взять на себя ответственность за построение новой некапиталистической утопии.

Утопия не рождается из пространства возможного, она должна содержать в себе некий элемент невозможности. С. Жижек различает два типа

невозможности: невозможность, на которой фокусируется господствующая идеология, и невозможное-реальное³ социального антагонизма. Идеологическая функция первой невозможности состоит в том, чтобы маскировать вторую. Новая утопия должна работать со вторым типом невозможности во имя достижения иного социального порядка, элиминирующего социальное исключение и эксплуатацию.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях.

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях по перечню ВАК

1. Барбарук Ю.В. Проблема субъекта эмансипации в современном марксизме // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. № 2 (10), 2009 г. С. 142 – 147. 0,5 п.л.
2. Барбарук Ю.В. Капитализм: уходящий или меняющийся? (заседание за «круглым столом») // Мир перемен. № 2, 2011. С. 134 – 135. 0,05 п.л.

Публикации в других изданиях

3. Барбарук Ю.В. Демократия: в поисках чистых форм // Выборы в Магаданской области: опыт и перспективы: доклады I региональной науч.-практ. конф. (Магадан – 15 мая 2007 г.) / ред. кол. В.П. Фролов и др. – Магадан: Изд-во СМУ, 2007. С. 9 – 16. 0,5 п.л.
4. Барбарук Ю.В. К вопросу о демократическом этосе // Идеи, гипотезы, поиск...: сб. статей по материалам науч. конф. аспирантов, соискателей и молодых исследователей СВГУ – Магадан: Изд. СВГУ, 2008. С. 46 – 48. 0,2 п.л.
5. Барбарук Ю.В. Радикальная демократия: в поисках альтернативных возможностей // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс] – М.: Издательство МГУ; СП МЫСЛЬ, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM);

³ «невозможное-реальное» – реально невозможное при существующей форме социального антагонизма, но реально возможное при принципиально другой его конфигурации.

Адрес ресурса в сети интернет: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/23.pdf. 0,1 п.л.

6. Барбарук Ю.В. Радикальная демократия и современные коммуникационные возможности // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – Вып. 10. – Магадан: Изд. СВГУ, 2008. С. 6 – 7. 0,2 п.л.

7. Барбарук Ю.В. Философские проблемы демократии, или кантианцы против гегельянцев // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – Вып. 12. – Магадан: Изд. СВГУ, 2009. С. 6 – 9. 0,4 п.л.

8. Барбарук Ю.В. Легитимность и нормативность: несколько замечаний о природе парламентаризма // Парламентаризм в Магаданской области: материалы общественно-политических чтений. 22 апреля 2009 г. – Магадан: изд-во СВГУ, 2009. С. 57 – 64. 0,5 п.л.

9. Барбарук Ю.В. Промежуточные замечания о Homo sacer // Идеи, гипотезы, поиск...: сб. статей по материалам науч. конф. аспирантов, соискателей и молодых исследователей СВГУ – Магадан: Изд. СВГУ, 2009. С. 34 – 36. 0,2 п.л.

10. Барбарук Ю.В. Развитие идей марксизма в перспективе современного постмарксизма // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – № 12: спецвыпуск. – Магадан: Изд. СВГУ, 2010. С. 90 – 92. 0,2 п.л.

11. Барбарук Ю.В. О социальной ответственности бизнеса в условиях неолиберализма // Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы: Материалы научно-практической конференции 29-30 декабря 2010 г.: Москва, 2010. С. 118 – 121. 0,4 п.л.

12. Барбарук Ю.В. Эмпирические предпосылки постмарксизма в современной социальной мысли // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2011. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); Адрес ресурса в сети интернет: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1330/9940_c879.pdf. 0,1 п.л.